

Игорь Бурикин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стоит некрашеный лопух
 во мстительно-зеленый цвет,
 врагам сверкающий, должно быть,
 и к остальным немилосерд:
 своих продолговатых уж
 аристократ и осломух,
 в свою увянувший обитель
 подземный житель.

Он слышит, как не свищет рак
 и прорастает Пастернак.
 Он слышит, как ГоГочет лес,
 на холм, что, наконец возлел.
 Он слышит, как взлетает трасса,
 взмывая свой гремучий яд,—
 и думает, что все это напрасно
 да и не так уж интересно:
 И думает, что он солдат,
 укорененный в ад.

И рядом женщина цветет,
 уткнувшись в пышный мак,
 и поелику процветает,
 желала бы еще цитат
 о том, что звать, как прежде, раем.
 И надо всем пчела летает
 на брег, где кровь и млека мрак,
 и все, что мы тут называем,
 усваивает в свой живот.

Со всех животные кричат
 других сторон.
 И мир не хочется кончать!
 кончает он.
 И ржавчиною кровь ея
 проходит краску,
 похожего на злую сказку —
 сияющего бытия!

х х х

Подымаясь в гору,
да поможет горю.
Да такому горю,
что и на смерть скору.

На лугу, где вроде
веселилась в стаде,
сидит Божья Матерь
белая как скатерть.

Потеряла сына,
Ничего не стыдно
Ничего не стыдно:
Под землею видно.

О ты моя дочерь
кто ж теперь твой отчим
Кто ж теперь твой отчим
в поминаньи Отчем!?

Спи моя родная
спи не усыная:
засыная снегом
все что было небом.

Маутендорф под Зальцбургом, на мотив ав-
стрийской колыбельной: о Марии на лугу горнем и
зимнем.

х х х

Путался в ветвях
Месяц молодой
О мой золотой
С юною вдовой
Синевой

Делалась его
Горней высотой

Самою родной
Делалась его
Глубиной

То-то посинел
И позеленел
И сошел на нет
на краю

Вытолкнула вдруг
Празднует весь круг
Новую жену
И луну!

Вена, октябрь.

НА ВОЗДВИЖЕНЬЕ СОХИ

Крест в сочетании сохи
из острия что входит в землю
и перекладыны для рук
определяющей вхожденье
движеньем оплодотворенья,
а не каким-то веществом!

Земля сохе что подлежит
всеяким телом и бежит
под утруждающийся крест
волною нежности, разрез
свой каждый округляя в глаз,
из-подо лба глядит на нас
из-под лобка, подмышки под
коленки, падая в живот
в утробу ввинченным соском-
питая вычурным пупком
(как плоть набухшего зерна)

изнанку нашего зрачка!..

Он глядит глядит глядит
в радуге и во бледи,
На него положен крест
Поцелуем этих мест.
Богу уха поклонимся.
В губы оплодотворимся
поцелуем тишины-в
совершенные умы-в
полость сердца, там, где петел
крови, взмыв из мертвых петель
тела, тени теплоты,
прокричит Тебе на Ты:

О Ты Бы
Ты Бо
Ты Го
Го Го ГОСПОДИ ЛЕГКО!

Утекает в почву
зимняя ночь.
Набухает дочь
да вешняя ночь.
Да еще страшней
будто Самый с ней
Иисус Господь
упраздняет плоть!
В сердце голубем стучится...
Знать из мертвых народиться...

Тракторист завел соху,
кроме звуков ни гу-гу.
И железным насекомым
уползает в лес к знакомым.
И какой же он крестьянин
(и такой же христианин)!?
Но земля что знает точно

.. ..
глядя из-под каждой кочки,
вопиет наверх вслепую:

-В Ликах я Твоих ликую!..

Я земля Твоя родная!..

Ты спираль моя Тройная!..

Ты зерном во ад. А я

ТРОЕРУЧИЦА ТВОЯ!

.. ..
декабрь 78, Вена
12 апреля 79, Бонн

х х х

.. ..
Пруд поворачивает листву

Темным телом.

Церковь прикладывается к кресту

В тени отсутствия стрелок.

Пахнет палым листом

В церкви и прелой стружкой.

Ангел гасит крылом

Дверь за пропавшим служкой.

х х х

.. ..
Вдаваясь в темные леса

Увеличительным стеклом

Стремительного поворота

Прощаясь, наконец, с местами

Где меня одолевала тоска

А я испытывал ее

Со вздохом: красиво-

И не торопясь в новье,
Ибо тоска там та же—

Так, не сидя на месте
И не зная куда я еду
Отдаваясь дороге

Я совсем привыкну к тебе
Моя зеленоглазая
Тошнотворная

И забуду, что на родине так же.

х х х

Снова улетаю дорогой,
Лестницей, уставленной в небо.
Что за поворот мне дарован
Взором, под опухшею вербой,

Ангелы которому верят,
Крыльями крылатые кривы.
Вижу, как рыжеют, ржавеют
По полю метущие ивы.

Ниже опускается тополь,
Свечкой, чтоб она не потухла.
Ветер превращается в топот,
о-образно скачет мне в ухо.

О, над золотую землю
О, я улетаю не признан
О, ничем тебя не укрою,
Мертвая моя со мной, Муза!
(особенно поется)

х х х

Свернувшийся в себя, с холмов
Скатившийся на дно оврага —
И в тайная твоих снегов
(какая близкая отвага

накрыть рукой), волос взамен,
Взметнувшийся весь очерк рожи,
и никаких тебе измен,
И никаких тебе пророчеств—

Приветствую твой сельский вид,
В который опускает месяц,
Не потому что не звенит,
Не потому что, как повесят,

Обдуманно свой золотой
С наживкой трепетности палец
На губы влажные-постой
Еще ты в сумерках! — попались

Мы вместе у окна, в тебя
заброшенный, беглец из дома,
И ты, запретная земля,
Что делаешься так знакома.

1979 г.